

«Выразить невыразимое» как сверхзадача западноевропейского романа о холокосте («Благоволительницы» Д. Литтелла, «НННН» Л. Бине и «Аустерлиц» В. Г. Зебальда)

Мещерякова Лариса Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики преподавания литературы,
Пензенский государственный университет. Россия, г. Пенза. ORCID: 0000-0002-9416-8220.
AuthorID: 79053655419. E-mail: lam050499@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются некоторые особенности повествования в современных западноевропейских романах, посвященных теме Холокоста. Целью работы является выявление специфических черт произведений данной тематики. Исследование проводится на материале «Благоволительниц» Д. Литтелла, «НННН» Л. Бине и «Аустерлиц» В. Г. Зебальда. До настоящего времени сопоставительный анализ жанровых особенностей названных романов не предпринимался. Этим определяется актуальность настоящей работы. В ходе изучения произведений использовались принципы культурно-исторического, сравнительно-исторического, сравнительно-типологического методов, а также метод нарративного анализа. Установлено, что Л. Бине повествовательную манеру в своем «инфра-романе» «НННН» противопоставляет той, которая главенствует в «Благоволительницах» Д. Литтелла и может быть названа классической: не допускает вымышленных лиц и событий, художественных приемов изображения, демонстрирует максимальное сближение автора и нарратора. Обращение к роману Д. Литтелла позволяет увидеть диаметрально противоположную авторскую стратегию. «Персонажное» повествование сближает «Благоволительниц» с романом В. Г. Зебальда. Скупое использование изобразительно-выразительных средств в романе «Аустерлиц» позволяет провести ряд параллелей с «НННН» Л. Бине. Обнаружение в процессе исследования различных жанровых моделей исторического романа позволяет увидеть в каждом произведении стремление авторов найти средства, способные описать запредельные для человеческого разума события. В заключении делаем вывод о том, что Л. Бине, Д. Литтелла и В. Г. Зебальда сближает осознание невозможности «выразить невыразимое», что может быть названо своеобразной нарратологической универсалией, специфической особенностью отражения темы Холокоста в современной западноевропейской исторической прозе. В этом обозначении содержится новизна предлагаемого исследования.

Ключевые слова: «невыразимость» темы Холокоста, исторический роман, нарративные стратегии, жанровая рефлексия.

Характеризуя современную литературу, отмечаем переплетение приемов повествования художественной, публицистической и документальной прозы. «Писатели ищут жанровые конфигурации, наиболее отвечающие их замыслу, сочетая то, что ранее казалось несовместимым» [17, с. 57]. Поиск современными писателями новых литературных форм ожидаем и закономерен, как ожидаем и закономерен он был во все предыдущие столетия.

Бесспорно мнение А. В. Татарникова: «Роман имеет право не учить спасению, не давать точную информацию о райских и адских пространствах, не оформлять свод заповедей и не сообщать о действительно состоявшихся судьбах тех, кто был прежде нас» [19, с. 4]. Но хочется вывести за скобки произведения о Второй мировой войне, массовом уничтожении евреев на территории европейских стран и Советского Союза. На тему Холокоста написаны сотни книг. В числе наиболее известных западноевропейских и американских писателей – Э. Визель, П. Леви, Д. Гроссман, У. Стайрон, Дж. С. Фоер, Ж. Кабре, Р. Гари, Л. Рис, Н. Краусс, И. Вайль, Р. Гари, Б. Шлинк, Д. Бойн, Т. Кенилли, Р. Бенини, Д. Хантер и многие другие. Выбор романов Д. Литтелла, Л. Бине и В. Г. Зебальда в качестве объекта нашего исследования продиктован принципиально разными нарративными стратегиями этих авторов, что позволяет осмысливать жанровую рефлексию современного исторического романа в целом. Французский писатель Лоран Бине (Laurent Binet, 1972) написанную им беллетризованную биографию нациста Рейнхарда Гейдриха «НННН» (2010, русский перевод 2015) назвал «инфра-романом», что можно воспринимать как такую форму произведения, которая «по каким-то признакам не дотягивает до настоящего романа, своего рода "недороман"» [5]. Другой французский писа-

тель американского происхождения Джонатан Литтелл (Jonathan Littell, 1967) в 2006 г. опубликовал исторический роман «Благоволительницы» (*Les Bienveillantes*, русский перевод 2013), глубоко укорененный в европейскую романную традицию, написанный на стыке барокко, романтизма, реализма, натурализма, некоторых модернистских традиций, пронизанный фантастическими эпизодами и литературными реминисценциями, главная из которых – древнегреческая трагедия об Оресте, определяющая магистральную нарративную стратегию романа [28]. Немецкий писатель Винфрид Георг Зебальд (W. G. Sebald, 1944–2001) в «Аустерлице» (*Austerlitz*, 2001, русский перевод 2006) дал образец гармоничного соединения вербального и визуального уровней повествования, где для выстраивания нарратива используются в том числе фотографии [10]. Джон Зилкоски обнаруживает в жанровой природе этого произведения черты путевого очерка, которые напрямую связываются с желанием героя найти свой путь [29].

Многие аспекты повествования в романах о Холокосте получили глубокое осмысление в трудах современных российских и западноевропейских исследователей. И. В. Даниленко, рассматривая «интердискурсивные аспекты французской историографической метапрозы», обращается в том числе к роману Д. Литтелла «Благоволительницы», в котором «автору понадобилось не только гражданское мужество, но и весьма специфическая эстетическая форма, соразмерная чудовищному масштабу этой трагедии истории, а также особые формы дискурса, которые придали бы тексту не только метафорический (художественный характер), но и аналитический» [4]. О. Б. Карасик смысловой константой романов «Полная иллюминация» Дж. С. Фоера и «Хроника любви» Н. Краусс называет поиск героями своей этнической идентичности, преемственности поколений через осмысление не пережитой ими лично трагедии Холокоста. Автор обращает внимание на фрагментарность, композиционную сложность этих произведений, игру с авторскими масками [12]. Е. С. Жиронкина анализирует приемы создания комического эффекта в литературе рубежа XX–XXI вв.; в поле ее зрения попадают и интересующие нас романы Д. Литтелла и Л. Бине. Ее внимание сосредоточено на выявлении в них комического регистра: гротеска, сарказма, иронии, пародии, двойничества как «средств разоблачения инстанций власти фашистской Германии» [6]. Творческое наследие В. Г. Зебальда, пожалуй, чаще других писателей становилось объектом научных исследований. Е. О. Хромова среди отечественных германистов прежде всего выделяет В. Н. Ахтырскую и Е. В. Соколову, которые не в пример английским и немецким ученым задали вектор многостороннего и разноуровневого изучения творчества одного из самых крупных современных немецких писателей [23]. Новизну предлагаемого исследования мы видим в попытке сопоставительного анализа указанных исторических романов, определении их принципиально различных жанровых черт, а также выявлении осознанной писателями «невыразимости» темы Холокоста.

У каждой исторической эпохи имеются свои области «невыразимого». «Выразить невыразимое» для Лорана Бине – найти слова, способные запечатлеть страшные события Второй мировой войны, связанные в том числе с «решением еврейского вопроса» в странах восточной Европы, прежде всего в Чехословакии. Элина Васильева в статье «Традиция и литература о Холокосте», рассматривая произведения русско-еврейских авторов, пишет о том, что «западная и восточная традиции по-разному оценивают это явление». Западное, и прежде всего французское литературоведение, констатировало сущностное изменение литературы после Второй мировой войны, потому что «писать стихи после Освенцима – это варварство» (Т. Адорно). «Поведение человека во время войны изменяет представления о возможностях и этических ценностях человека в целом», поэтому «в противовес умозрительной литературе появляется литература, опирающаяся на документальные источники – свидетельства» [3].

Роман французского писателя Л. Бине «ННН» явился примером популярного сегодня как на Западе, так и в России жанра «non-fiction», максимально стремящегося к документальной достоверности повествования. На протяжении всего произведения автор не устает повторять, что пишет не «настоящее художественное произведение» [2, с. 232], не «настоящий роман» [2, с. 239] и тем более не «русский роман» [2, с. 233], а создает «новый тип отношений с читателем» [2, с. 55]. Бине на страницах своего произведения нередко ведет полемику с авторами исторических романов, например Дэвидом Чако, который не стал, по мнению Бине, «работником собранного им материала» и позволял себе «запросто придумывать недостающее и не считать себя при этом обязанным отчитываться перед Историей». Бине называет его «ловким обманщиком» и «фокусником» [2, с. 213]. Допуская существование разного соотношения «ис-

торической правды» и «выдумки» в жанре исторического романа, писатель полагает, что в итоге «во всех случаях выдумка преобладает над Историей». Но ему «самому трудно решиться на такое» [2, с. 24], если речь идет об изображении событий Второй мировой войны. Заметим здесь, что при создании следующих своих романов, таких как «Седьмая функция языка» или «Цивилизация», Л. Бине включает исторические факты и реальных деятелей в «игру» вплоть до создания фейковых утопий¹. Но находится, по его выражению, «в рабстве у своей совести» [2, с. 329], рассказывая, например, о том, как нацисты уничтожили чешскую деревню Лидице в июне 1942 г. Тогда всех жителей среди ночи подняли ударами прикладов, выгнали из домов, мужчин здесь же расстреляли, детей отправили в газовые камеры лагеря смерти близ Хелмно. «Но и это еще не все. <...> Отдается приказ стереть Лидице не только с лица земли, но и с карты. В буквальном смысле. Кладбище осквернено, все строения сожжены, фруктовые деревья выдраны с корнем, а почва еще и посыпана солью – для уверенности, что здесь никогда ничего не вырастет. <...> Гитлер хочет показать, во что может обойтись вызов, брошенный рейху, и Лидице служит ему искупительной жертвой» [2, с. 332]. Л. Бине не допускает мысли, что этих фактов недостаточно и к ним можно что-то сочинить, применить какой-то художественный прием. Более того, по его мнению, даже некоторые документальные свидетельства и детали в строгом повествовании о тех чудовищных событиях могут быть избыточны.

Бине на страницах романа часто дает комментарии, рассказывает о своей работе с историческим материалом, принципах его отбора. От некоторых фактов отказывается в силу их видимой «анекдотичности», или сомнительности, или обнаружения нескольких версий одного и того же события и тогда делает вид, что «ничего подобного не читал» [2, с. 59]. В целом отдавая должное Д. Литтеллу и его роману на ту же тему («Благоволительницы»), Л. Бине критически оценивает отсутствие у писателя щепетильности в вопросах достоверности исторического повествования: «Если у Блобеля действительно был «опель», мне остается лишь преклонить голову перед исследовательскими талантами Литтелла. Но если это блеф, то это весьма ослабляет книгу <...> правдоподобное не значит достоверное» [2, с. 256]. В романе Л. Бине «НННН», в отличие от «Благоволительниц», нет ни одного вымышленного персонажа. На этот счет у писателя есть следующее рассуждение: «По-моему, придумывать персонажей для лучшего понимания исторических фактов – все равно что подделывать доказательства <...> приносить отягчающие улики на место преступления, когда их там и так полно» [2, с. 257–258]. Такой «отягчающей уликой», по мнению Бине, в романе Литтелла является герой-нарратор Максимилиан Ауэ: «Он кажется правдивым (некоторым читателям – тем, кого легко одурачить), ибо он – зеркало нашей эпохи, эпохи <...> постмодернистского нигилизма» [2, с. 272]. Это по-своему подтверждает французский критик Ив Буассело в статье «Благоволительницы: ироническая точка зрения» [26]. Говоря же об авторской стратегии в романе «НННН», отмечаем максимальное сближение нарратора и автора. Эта позиция предполагает включение в повествование, помимо рассуждений о жанре исторического романа, освещение обстоятельств личной жизни повествователя, а также весьма эмоциональную рефлексию, вплоть до полного слияния с историческими персонажами: «И вот наконец я – Габчик. Как же это говорят-то?.. Я вселяюсь в своего персонажа!» [2, с. 343]. По мнению Г. Юзefович, «Л. Бине не всегда удается удержаться в рамках, и потому документальные фрагменты оказываются щедро пересыпаны сбивчивыми и эмоциональными интерлюдиями» [24, с. 336].

«Благоволительницы» Д. Литтелла, как уже было замечено, представляют собой персонажное повествование, в котором роль хроникера событий Второй мировой войны выполняет ушедший от справедливого возмездия нацист Макс Ауэ². Яркую характеристику этому образу дал Ф. Бегбедер, назвавший Ауэ «конвейерным убийцей в изысканном кружевном белье под эсэсовским мундиром» [1, с. 264]³. Именно этот герой оказывает на читателя самое большое впечатление, а не документальные факты, также в изобилии приводимые писателем и используемые многими сочинителями романов о Второй мировой войне и Холокосте. Все отвратительные проявления плоти и духа Макса Ауэ (болезненные испражнения, бред, галлю-

¹ Подробнее см. нашу статью «Некоторые особенности изображения исторического прошлого в современной западноевропейской прозе» [15].

² Подробнее см. нашу статью «Преисподняя» в «Благоволительницах» Д. Литтелла: нарративные стратегии фантастического дискурса» [16].

³ В оригинале это звучит чуть иначе: «Les Bienveillantes sont les mémoires fictifs d'un assassin industriel reconverti dans la dentelle de Calais» [25, p. 249].

цинации, гомосексуализм, стремление к инцесту и т. п.) – не что иное, как реакция человеческой природы на поругание в себе образа сына Божия. «Нарративная стратегия «имплицитного» автора романа состоит в том, чтобы «искусить» читателя, вызвать негодование, физическую реакцию брезгливости и отвращения» [16, с. 46]. В качестве сверхзадачи Д. Литтелл в личных интервью обозначил свое желание добиться от читателей своего романа ощущения того, что все происходящее с Максом Ауэ касается каждого и любой, оказавшийся на его месте, мог стать палачом. Есть на этот счет и рассуждение героя: «Не поймите превратно: речь здесь не о чувстве вины и не об угрызениях совести. Они тоже присутствуют, я не отрицаю, но, уверен, все гораздо сложнее. Даже человек, который никогда не воевал, не убивал по приказу, прочувствует то, о чем я говорю. Припомнит мелкие подлости, трусость, лживость, мелочность – любому есть о чем сокрушаться» [13, с. 15].

Разное впечатление на читателя оказывает повествование в романах Л. Бине и Д. Литтелла о чудовищном преступлении нацистов в Бабьем Яру. В обоих романах на эти события читатель смотрит глазами нацистов: в «НННН» – штандартенфюрера СС Пауля Блобеля, под чьим руководством происходило уничтожение населения Украины, в «Благоволительницах» – вымышленного персонажа Макса Ауэ, участвующего в организации и проведении массовых казней. Л. Бине несколько отступает здесь от своей нарративной стратегии, пытается объяснить причины последовавшего пьянства и нервного срыва Блобеля. Земля здесь кажется ему живой: «комья ее прыгают вверх, как пробки от шампанского, она дымится, из-под нее вырываются пузырьки газа, образующегося при разложении тел. Запах ужасный. Блобель, разразившись идиотским смехом, объясняет свои гостям: «Вот они где – тридцать тысяч моих евреев!» – и широким жестом словно бы обнимает яр, похожий на огромный урчащий и булькающий живот» [2, с. 255].

Описанию казни евреев в Бабьем Яру Д. Литтелл отводит несколько страниц, подробно рассказывая обо всех этапах подготовки, а затем и проведения операции. Тот же Блобель незадолго до этого взрывает храм Успения Богородицы в Лавре. Дальнейшие события, детально восстанавливаемые писателем, имеют целью оказать сильное эмоциональное воздействие на читателей. И с учетом специфического свидетеля, участника и рассказчика повествование демонстрирует крен в сторону описания психического состояния исполнителей этого злодеяния, многие из которых от всего увиденного даже «теряли самообладание». Чтобы как-то успокоить личный состав, между немецкими офицерами пустили по кругу ром, который те безостановочно пили. «Поскольку расстрелы прекращать не разрешалось, столовую устроили чуть дальше, в низине, откуда не виден был овраг <...> когда вскрыли консервы и солдаты обнаружили в банках кровяную колбасу, они пришли в бешенство и подняли ужасный крик. <...> У них явно сдавали нервы» [13, с. 113]. Но наибольшее впечатление на читателей оказывает душевное состояние Макса Ауэ, описываемое на протяжении всего романа предельно натуралистично. Вынужденный спуститься в ров, чтобы добывать раненых, он «наступал прямо на трупы и страшно скользил, обмякшие белые тела перекатывались» под его сапогами, «кости предательски ломались», из-за чего он «постоянно оступался да еще по щиколотку увязал в грязи и крови». Его «пронизывало невыносимое отвращение <...> как <...> в сортире, полном тараканов» [13, с. 114]. Незабываемое впечатление на Ауэ оказывает красивая молодая еврейка, чьи глаза «наполняли невыносимое горе». «<...> ее взгляд пронзил меня насквозь, – вспоминает нацист, – я показался себе обыкновенной, грубо сделанной куклой, набитой опилками <...>, я с лихорадочной поспешностью пустил ей пулю в голову <...>, я стрелял и не мог остановиться, ее голова лопнула, как перезрелый плод» [13, с. 115]. В этом эпизоде рассказчик тоже не удерживает свое сознание: «вдруг моя рука отделилась от тела и поплыла над оврагом, стреляя по сторонам, я бежал следом, подзывал ее второй рукой, просил подождать, но она не хотела, издевалась надо мной и палила по раненым, вполне справляясь без меня, я остановился и расплакался» [13, с. 115–116]. Рефлексирующий герой-нацист есть свидетельство того, что литература – это «единственная среда, где имморализм способен высказываться, а следовательно роман Литтелла может <...> читаться как творческая самокритика литературы средствами самой же литературы» [9, с. 799].

Перед нами нацист и герой-нарратор, избежавший возмездия и спустя годы ищущий оправдания своим злодеяниям, перекладывающий вину на время, обстоятельства, государство, которому было безразлично, из каких соображений они убивают евреев: из ненависти, или для того чтобы сделать карьеру, или даже потому, что в некоторой степени получают от этого удовольствие. «Точно ему было безразлично», что они не испытывали ненависти ни к

евреям, ни к цыганам, ни к русским, что им «не доставляет никакой радости уничтожать их, абсолютно никакой радости» [13, с. 116]. Совершенно бесспорно сильнейшее эмоциональное воздействие, которое испытывает читатель от такого повествователя. Поиски им сочувствия вызывают прямо противоположный эффект: преступления фашистов, с трудом переносимые даже ими самими, от этого приобретают чудовищные масштабы.

С персонажным повествованием мы сталкиваемся и в романе «Аустерлиц» немецкого писателя В. Г. Зебальда. Но в отличие от автора «Благоволительниц» он скуп в использовании художественных средств: «приглаженно-обобщенные драматические и лирические приемы нередко препятствуют точности понимания ужасных событий» [8, с. 135]. Исследователи определяют жанровую природу этого произведения из ряда *documentary fiction* как гармоничное сочетание репортажа, путевой заметки, исторического очерка с включением в повествование фотографий, гравюр из старинных книг, планов городов, копий архивных документов и проч. [11]. В «*Campo santo*» Зебальд подвергает критике произведения немецких писателей 1950–1960-х гг., таких как Грасс, Андерш, Бёлль, раскрывавших тему Холокоста «не столько эмоционально, сколько сентиментально» и по возможности избегавших «знакомства с подробностями о жертвах фашистской системы» [8, с. 96]. В самом начале своего романа Зебальд сетует на то, «как мало мы в состоянии удержать в нашей памяти, как много всего постоянно предается забвению, с каждой угасшей жизнью...» [7, с. 31].

Рассказчиком о Холокосте на территории Праги во время Второй мировой войны является Жак Аустерлиц, чья семья пострадала во время немецкой оккупации, а сам он ребенком был вывезен в Англию. В этой части романа описываются практически те же события, которые легли в основу «ННН» Л. Бине. Главный герой в свои неполные пять лет потерял родину, близких, чудом избежал немецкого концлагеря и до конца своих дней чувствовал себя человеком без прошлого, мучительно пытавшимся вспомнить, кто он. Именно отсюда проистекает его обостренный интерес к материальному миру, дворцам, зданиям, памятникам как неоспоримым фактам человеческого присутствия. Вмонтированные в текст вырезки из туристических буклетов, выцветшие любительские фотографии, квитанции, почтовые открытки и прочие свидетельства существования Жака Аустерлица «и есть личный архив, головоломный пазл его жизни, который пытается сложить безымянный рассказчик» [11].

На значимую особенность главного героя-нарратора романа «Аустерлиц» указывает Е. В. Соколова, называя «одним из центров, формирующих этот текст как художественное целое», присутствие в нем австрийского философа Людвига Витгенштейна, «и как личности, и как связанного с его именем комплекса идей». Его «этика памяти» о событиях Холокоста проявлялась в «категорическом отказе от недостаточно «аккуратного» (точного, бережного) объяснения человеческого страдания», поэтому будучи свидетелем и жертвой тех событий, он о них почти не говорил [18].

Трагедия изображаемых событий показывается в романе «Аустерлиц» прежде всего через страдания ребенка. Такое решение можно отнести к традиционным для данной темы, к нему в разные годы обращались Д. Бойн, Т. Биргер, М. Рольникайте, А. Вивьерка и многие другие. Но Зебальд при этом во многом оригинален. Он создает образ «искателя утраченного времени», переходит от конкретных эпизодов к воспоминаниям, вызванным какими-то деталями материального мира. Основной повествователь, альтер-эго автора, передает рассказы Жака Аустерлица, который в свою очередь вплетает в свои воспоминания отсылки к своим рассказчикам. И получается зачастую нечто совершенно необычное, даже не собственно прямая речь. Создается нечто вроде паутины, которая связывает всех со всеми. Это впечатление поддерживает и повествовательная манера «потока сознания» без текстового деления на абзацы с невероятно длинными синтаксическими конструкциями. История предстает неразрывным, неделимым потоком, что разрушает «официально санкционированную демонстрацию все более настойчиво заявляющей о себе потребности положить конец всему, что так или иначе питается жизненными соками прошлого» [7, с. 345]. Историческое повествование у Зебальда переплетается с углубленным психологизмом, передачей тончайших переживаний главного героя, который становится для автора романа воплощением «души истории». Это рождает у читателя щемящее чувство жалости к больному, несчастному, так и не нашедшему себя в этом мире человеку, пострадавшему из-за национальной принадлежности. Но справедливости ради заметим, что такая судьба в эпоху Второй мировой была не только у евреев.

Авторы всех трех романов «ищут контакта с читателем», включают в различные перспективы [14, с. 439]. Техника конструирования образа автора в «Аустерлице», в отличие от

двух других произведений, предполагает сюжетный контакт с главным героем, но при этом он дистанцирован от изображаемого мира [27]. «НННН» Л. Бине можно назвать «романом о написании романа» [14, с. 440], где авторское «самообнаружение» фиксируется и в рефлексии, и в комментариях по поводу подачи материала. Д. Литтелл на все изображаемые события смотрит глазами нациста, непосредственного участника «окончательного решения еврейского вопроса», которому «жалеть не о чем», потому что он лишь выполнял свою работу [13, с. 13].

Л. Бине, Д. Литтелл и В. Г. Зебальд осуществляют разные подходы к теме Холокоста. Бине, по его собственному признанию, создает «новый тип отношений с читателем», в котором повествователь не является нарратологической абстракцией и позволяет приблизиться к концептуальной позиции самого Л. Бине [21, с. 32–34]. Если Бине при изображении Холокоста предпочитает правдоподобию достоверность, то в числе специфических приемов Литтелла в «Благоволительницах» – «ненадежный нарратор», отрицательный герой, декларирующий имморализм и уход от наказания за свои злодеяния во время Второй мировой войны. В отличие от Л. Бине, Д. Литтелл зачастую показывает события Холокоста не с фактологической и даже не с эмоциональной, а с физиологической стороны. Зебальд в своем романе изображает не столько события Второй мировой войны, сколько их последствия, изломанную судьбу и исковерканную личность человека, попавшего в железные клещи нацистской машины. Главная задача писателя – уход от сентиментализма в раскрытии темы Холокоста, что осуществляется в том числе благодаря созданию «пограничного вида искусства, и вербального, и визуального» [23]. При этом большое количество фотографий выполняет не иллюстративную функцию, а передает «ощущения дезориентированности рассказчика в мире тотального сомнения в достижимости, возможности (и даже необходимости) «точного» именованного – точности языка» [18]. Каждый из авторов так или иначе высказывает свои сомнения в том, что возможно удержать в своей памяти и передать потомкам страшную правду о Второй мировой войне, найти слова, способные описать запредельные для человеческого разума события, в традиционных повествовательных формах «передать аутентичную попытку скорби» [8, с. 96]. Переиначивая замечание Семена Франка, можно сказать, что невыразимое постигается ими через постижение его невыразимости [22, с. 559], «невозможности выразить невыразимое» [20, с. 6]. Такой подход может быть назван своеобразной нарратологической универсалией, специфической особенностью отражения темы Холокоста в современной западноевропейской исторической прозе.

Список литературы

1. *Бегбедер Ф.* Конец света: первые итоги. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2014. 264 с.
2. *Бине Л.* НННН / пер. с фр. Н. Васильковой. М. : Фантом Пресс, 2016. 416 с.
3. *Васильева Э.* Традиция и литература о Холокосте. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/233177941.pdf> (дата обращения: 08.06.2024).
4. *Даниленко И. В.* Интердискурсивные аспекты французской историографической метапрозы (на материале произведений М. Турнье «Лесной царь» и Д. Литтелла «Благоволительницы»). URL: <http://e-lib.mslu.by/bitstream/edoc/11510/1/146-152.pdf> (дата обращения: 25.11.24).
5. *Еремин М.* Роман НННН. URL: <https://fastly.syg.ma/@mikhail-eremin/roman-pamiat> (дата обращения: 19.08.2023).
6. *Жиронкина Е. С.* Комическое в литературе о Холокосте: преодоление табу? URL: <http://el-ar.usru.ru/bitstream/usru/14450/1/flks-2020-02-24.pdf> (дата обращения: 22.11.24).
7. *Зебальд В. Г.* Аустерлиц / пер. с нем. М. Кореновой. М. : Новое издательство, 2019. 362 с.
8. *Зебальд В. Г.* Campo santo / пер. с нем. Н. Федоровой. М. : Новое изд-во, 2020. 242 с.
9. *Зенкин С.* Джонатан Литтелл как русский писатель // Благоволительницы [И. Мельникова – пер. с фр.]. М. : Ад Маргинем Пресс, 2013. 800 с. С. 786–798.
10. *Зозуля Н. М.* Визуальное воплощение эстетики воспоминания в романах В. Г. Зебальда «Кольца Сатурна» и «Аустерлиц». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnoe-voploschenie-estetiki-vospomina-niya-v-romanaх-v-g-zebalda-koltsa-saturna-i-austerlits> (дата обращения: 01.12.24).
11. *Иванов А.* Бремя непережитого (об опыте прочтения романа «Аустерлиц» В. Г. Зебальда). URL: http://narodknigi.ru/journals/150/bremya_neperezhitogo/ (дата обращения: 04.06.2024).
12. *Карасик О. Б.* О Холокосте средствами постмодернизма (романы Дж. С. Фоера «Полная иллюминация» и Н. Краусс «Хроники любви»). URL: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/articles/karasik-o-holokoste.htm> (дата обращения: 19.11.24).
13. *Литтелл Д.* Благоволительницы [И. Мельникова – пер. с фр.]. М. : Ад Маргинем Пресс, 2013. 800 с.
14. *Манн Ю. В.* Автор и повествование // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / Российская академия наук Института мировой литературы им. А. М. Горького. М. : Наследие, 1994. С. 431–480.

15. Мещерякова Л. А. Некоторые особенности изображения исторического прошлого в современной западноевропейской прозе // *Modern Humanities Success, Успехи гуманитарных наук*. 2023. № 2. С.123–126.
16. Мещерякова Л. А. «Преисподняя» в «Благовоительницах» Д. Литтелла: нарративные стратегии фантастического дискурса // *Современный ученый*. 2018. № 1. С. 46–49.
17. Русская проза рубежа XX–XXI вв. : учеб. пособие / под ред. Т. М. Колядич. М. : ФЛИНТА, 2019. 520 с.
18. Соколова Е. В. Фигура и круг идей Людвига Витгенштейна в «Аустерлице» В. Г. Зебальда. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/figura-i-krug-idey-lyudviga-vitgenshteyna-v-austerlitse-v-g-zebalda> (дата обращения: 27.11.24).
19. Татаринов А. В. Роман как явление литературности // *Современный роман: русский и зарубежный (сборник статей)* / под ред. А. В. Татаринова. Краснодар : ZARLIN, 2010. 231 с.
20. Токарев Д. О «невыразимо выразимом» (Вместо предисловия). «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте : сборник статей / сост. и научная редакция Д. В. Токарева. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 572 с.
21. Тюпа В. И. Введение в сравнительную нарратологию : научно-учебное пособие для самостоятельной исследовательской работы. М. : Intrada, 2016. 145 с.
22. Франк С. Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // *Сочинения*. М. : Правда, 1990. 559 с.
23. Хромова Е. О. Зебальд в русском литературоведении. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-g-zebalda-v-russkom-literaturovedenii> (дата обращения: 25.11.24).
24. Юзефович Г. Л. Таинственная карта. Неполный и неокончательный путеводитель по миру книг. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. 511 с.
25. Beigbeder F. Premier bilan après l'apocalypse : essai. Paris : Grasset, 2011. 429 p.
26. Boisseleau Y. Les Bienveillantes: une position ironique // *Les Bienveillantes de Jonathan Littell: Etudes réunies par Murielle Lucie Clément*. 2010. Pp. 277–298.
27. Crownshaw R. Reconsidering Postmemory: Photography, the Archive, and Post-Holocaust Memory in W. G. Sebald's *Austerlitz*. URL: https://www.academia.edu/18273155/Reconsidering_Postmemory_Photo-graphy_the_Archive_and_Post_Holocaust_Memory_in_W_G_Sebald's_Austerlitz (дата обращения: 25.11.24).
28. Grethlein J. Myth, Morals, and Metafiction in Jonathan Littell's *Les Bienveillantes*. URL: https://www.researchgate.net/publication/262081851_Myth_Morals_and_Metafiction_in_Jonathan_Littell's_Les_Bienveillantes (дата обращения: 25.11.24).
29. Zilcosky J. Lost and Found: Disorientation, Nostalgia, and Holocaust Melodrama in Sebald's *Austerlitz*. URL: https://www.academia.edu/30592723/Lost_and_Found_Disorientation_Nostalgia_and_Holocaust_Melodrama_in_Sebalds_Austerlitz_2006 (дата обращения: 02.12.24).

"To express the inexpressible" as a super-task of the Western European novel about the Holocaust ("The Well-wishers" by D. Littell, "HHhH" by L. Binet and "Austerlitz" by V. G. Zebald)

Meshcheryakova Larisa Alexandrovna

PhD in Philological Sciences, associate professor of Literature and Methods of Teaching Literature,
Penza State University. Russia, Penza. ORCID: 0000-0002-9416-8220. AuthorID: 79053655419.
E-mail: lam050499@gmail.com

Abstract. The article analyzes some features of the narrative in modern Western European novels dedicated to the theme of the Holocaust. The purpose of the work is to identify the specific features of the works of this subject. The research is based on the material of "The Well-wishers" by D. Littell, "HHhH" by L. Binet and "Austerlitz" by V. G. Zebald. To date, no comparative analysis of the genre features of these novels has been undertaken. This determines the relevance of this work. In the course of studying the works, the principles of cultural-historical, comparative-historical, comparative-typological methods, as well as the method of narrative analysis were used. It is established that L. Binet contrasts the narrative manner in his infra-novel "HHhH" with that which dominates in D. Littell's "The Well-Wishers" and can be called classical: it does not allow fictional persons and events, artistic methods of representation, demonstrates the maximum convergence of the author and the narrator. An appeal to Roman D. Littell allows you to see the diametrically opposite author's strategy. The "character-based" narrative brings "The Well-wishers" closer to the novel by V. G. Zebald. The sparse use of visual and expressive means in the novel "Austerlitz" allows us to draw a number of parallels with L. Binet's "HHhH". The discovery of various genre models of the historical novel in the process of research allows us to see in each work the authors' desire to find means capable of describing events beyond the human mind. In conclusion, we conclude that L. Binet, D. Littell and V. G. Zebald is brought closer by the realization of the impossibility of "expressing the inexpressible," which can be called a kind of narratological universal, a specific fea-

ture of reflecting the theme of the Holocaust in modern Western European historical prose. This designation contains the novelty of the proposed research.

Keywords: the "ineffability" of the Holocaust theme, historical novel, narrative strategies, genre reflection.

References

1. Begbeder F. *Konec sveta: pervye itogi* [The end of the world: the first results]. SPb. Azbuka : Azbuka-Atticus, 2014. 264 p.
2. Binet L. *HHhH* [HHhH] / transl. from French by N. Vasilkova. M. Phantom Press, 2016. 416 p.
3. Vasil'eva E. *Tradiciya i literatura o Holokoste* [Tradition and literature about the Holocaust]. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/233177941.pdf> (date accessed: 08.06.2024).
4. Danilenko I. V. *Interdiskursivnye aspekty francuzskoj istoriograficheskoy metaprozy (na materiale proizvedenij M. Turn'e "Lesnoj car'" i D. Littella "Blagovolitel'nicy")* [Interdiscursive aspects of French historiographical meta-prose (based on the works of M. Tournier "The King of the Forest" and D. Littell "The Well-wishers")]. Available at: <http://e-lib.mslu.by/bitstream/edoc/11510/1/146-152.pdf> (date accessed: 25.11.24).
5. Eremin M. *Roman HHhH* [Roman HHhH]. Available at: <https://fastly.syg.ma/@mikhail-eremin/roman-pamiat> (date accessed: 19.08.2023).
6. Zhironkina E. S. *Komicheskoe v literature o Holokoste: preodolenie tabu?* [The comic in the literature about the Holocaust: overcoming taboos?] Available at: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/14450/1/fkls-2020-02-24.pdf> (date accessed: 22.11.24).
7. Zebal'd V. G. *Austerlic* [Austerlitz] / transl. from German by M. Koreneva. M. New Publishing House, 2019. 362 p.
8. Zebal'd V. G. *Campo santo* [Campo santo] / transl. from German by N. Fedorova. M. New Publishing House, 2020. 242 p.
9. Zenkin S. *Dzhonatan Littell kak russkij pisatel'* [Jonathan Littell as a Russian writer] // *Blagovolitel'nicy – The well-wishers*. Melnikova – transl. from French. M. Adam Press, 2013. 800 p. Pp. 786–798.
10. Zozulya N. M. *Vizual'noe voploshchenie estetiki vospominaniya v romanah V. G. Zebal'da "Kol'ca Saturna" i "Austerlic"* [The visual embodiment of the aesthetics of memory in the novels of V. G. Zebald "Rings of Saturn" and "Austerlitz"]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnoe-voploshchenie-estetiki-vospominaniya-v-romanah-v-g-zebalda-koltsa-saturna-i-austerlits> (date accessed: 01.12.24).
11. Ivanov A. *Bremya neperezhitogo (ob opyte prochteniya romana "Austerlic" V. G. Zebal'da)* [The burden of the undone (about the experience of reading the novel "Austerlitz" by V. G. Zebald)]. Available at: http://narodknigi.ru/journals/150/bremya_neperezhitogo/ (date accessed: 04.06.2024).
12. Karasik O. B. *O Holokoste sredstvami postmodernizma (romany Dzh. S. Foera "Polnaya illyuminatsiya" i N. Krauss "Hroniki lyubvi")* [About the Holocaust by means of postmodernism (novels by J. S. Foer "Full Illumination" and N. Krauss "Chronicles of Love")]. Available at: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/articles/karasik-o-holokoste.htm> (date accessed: 19.11.24).
13. Littell D. *Blagovolitel'nicy* [The well-wishers [I. Melnikova – transl. from French]]. M. Adam Press, 2013. 800 p.
14. Mann Yu. V. *Avtor i povestvovanie* [The author and the narrative] // *Istoricheskaya poetika. Literaturnye epohi i tipy hudozhestvennogo soznaniya* – Historical poetics. Literary epochs and types of artistic consciousness / The Russian Academy of Sciences of the Gorky Institute of World Literature. M. Nasledie (Heritage), 1994. Pp. 431–480.
15. Meshcheryakova L. A. *Nekotorye osobennosti izobrazheniya istoricheskogo proshlogo v sovremennoj zapadnoevropejskoj proze* [Some features of the depiction of the historical past in modern Western European prose] // *Modern Humanities Success, Uspekhi gumanitarnykh nauk* – Modern Humanities Success, Successes of the Humanities. 2023. No. 2. Pp. 123–126.
16. Meshcheryakova L. A. *"Preispodnyaya" v "Blagovolitel'nicah" D. Littella: narrativnye strategii fantasticheskogo diskursa* ["Hell" in D. Littell's "The Well-wishers": narrative strategies of fantastic discourse] // *Sovremennyj uchenyj* – Modern Scientist. 2018. No. 1. Pp. 46–49.
17. *Russkaya proza rubezha XX–XXI vv. : ucheb. posobie* – Russian prose of the turn of the XX–XXI centuries : textbook / ed. by T. M. Kolyadich. M. FLINT, 2019. 520 p.
18. Sokolova E. V. *Figura i krug idej Lyudviga Vitgenshtejna v "Austerlice" V. G. Zebal'da* [The figure and circle of ideas of Ludwig Wittgenstein in "Austerlitz" by V. G. Zebald]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/figura-i-krug-idej-lyudviga-vitgenshtejna-v-austerlitse-v-g-zebalda> (date accessed: 27.11.24).
19. Tatarinov A. V. *Roman kak yavlenie literaturnosti* [The novel as a literary phenomenon] // *Sovremennyj roman: russkij i zarubezhnyj (sbornik statej)* – Modern novel: Russian and foreign (collection of articles) / ed. by A. V. Tatarinov. Krasnodar. ZARLIN, 2010. 231 p.
20. Tokarev D. O *"nevyrazimo vyrazimom" (Vmesto predisloviya). "Nevyrazimo vyrazimoe": ekfrasis i problemy reprezentacii vizual'nogo v hudozhestvennom tekste : sbornik statej* [About the "inexpressibly expressive" (Instead of the preface). "The Inexpressibly expressible": ecphrasis and problems of visual representation in a literary text : collection of articles] / comp. and the scient. ed. office of D. V. Tokarev. M. New Literary Review, 2013. 572 p.

21. Туупа В. И. *Vvedenie v sravnitel'nyu narratologiyu : nauchno-uchebnoe posobie dlya samostoyatel'noj issledovatel'skoj raboty* [Introduction to comparative narratology : scientific textbook for independent research]. М. Intrada, 2016. 145 p.
22. Frank S. L. *Nepostizhimoe. Ontologicheskoe vvedenie v filosofiyu religii* [The incomprehensible. An ontological introduction to the philosophy of religion] // *Sochineniya – Essays*. М. Pravda (Truth), 1990. 559 p.
23. Hromova E. O. *Zebal'd v russkom literaturovedenii* [Zebald in Russian literary criticism]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-g-zebal-d-v-russkom-literaturovedenii> (date accessed: 25.11.24).
24. Yuzefovich G. L. *Tainstvennaya karta. Nepochat'nyj i nekonchatel'nyj putevoditel' po miru knig* [The mysterious map. An incomplete and inconclusive guide to the world of books]. М. AST : Edited by Elena Shubina, 2020. 511 p.
25. Beigbeder F. *Premier bilan après l'apocalypse : essai*. Paris : Grasset, 2011. 429 p.
26. Boisseleau Y. *Les Bienveillantes: une position ironique* // *Les Bienveillantes de Jonathan Littell: Etudes réunies par Murielle Lucie Clément*. 2010. Pp. 277–298.
27. Crownshaw R. *Reconsidering Postmemory: Photography, the Archive, and Post-Holocaust Memory in W. G. Sebald's Austerlitz*. Available at: https://www.academia.edu/18273155/Reconsidering_Postmemory_Photography_the_Archive_and_Post_Holocaust_Memory_in_W_G_Sebald's_Austerlitz (date accessed: 25.11.24).
28. Grethlein J. *Myth, Morals, and Metafiction in Jonathan Littell's Les Bienveillantes*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/262081851_Myth_Morals_and_Metafiction_in_Jonathan_Littell's_Les_Bienveillantes (date accessed: 25.11.24).
29. Zilcosky J. *Lost and Found: Disorientation, Nostalgia, and Holocaust Melodrama in Sebald's Austerlitz*. Available at: https://www.academia.edu/30592723/Lost_and_Found_Disorientation_Nostalgia_and_Holocaust_Melodrama_in_Sebalds_Austerlitz_2006_ (date accessed: 02.12.24).

Поступила в редакцию: 12.07.2024

Принята к публикации: 10.12.2024